

К.В. КИЯНЕНКО

ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ И ОБОСНОВАНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ

КИЯНЕНКО Константин Васильевич – доктор архитектуры, профессор Вологодского государственного университета, Вологда, Россия (kiyanenko_k@yahoo.com).

Аннотация. Аргументируется оправданность обращения к социально-архитектурному знанию как объекту социологии архитектуры. С использованием понятийно-терминологического анализа архитектурных и архитектурно-социологических текстов раскрывается авторская концепция «парадигм социально-архитектурного знания» как самостоятельных платформ, репрезентирующих и объясняющих представления архитектора о социальном, и как взаимообусловленных совокупностей социальных моделей. С её помощью систематизированы и описаны подходы к социальному обоснованию архитектурных решений, сделан вывод о перспективах использования концепции для решения других исследовательских задач в области социологии архитектуры.

Ключевые слова: социология архитектуры • социально-архитектурное знание • парадигмы знания • социальные обоснования

DOI: 10.31857/S013216250001956-4

Введение. Интерес социологии и архитектуры друг к другу сохраняется на протяжении десятилетий. Об этом свидетельствуют публикации и социологов [Вильковский, 2010; Назарова, 2011; Мулеев, 2014; Прядко, 2015], и архитекторов [Глазычев, 1978; Яргина, 1990; Кияненко, 2010, 2012; Поморов, 2013; Раппапорт, 2017]. Формируемое совместно междисциплинарное поле знания многозначно. Традиционно образованные социологи видят в архитектуре воплощение общественных явлений, процессов, структур, институтов, ценностей. Социологи, подготовленные к тому общением с архитекторами, говорят о «социологии создания архитектуры», «применения социальных теорий и методов в процессе разработки архитектурных проектов» [Вильковский, 2010: 75, 115]. Архитекторы готовы трактовать данную отрасль знания как социологию профессии, архитектурного сообщества [Раппапорт, 2017], отводить социологии «вспомогательную, служебную роль» отыскания «мостиков перехода» от общества к архитектуре в процедурах проектирования и разработки проектных заданий [Глазычев, 1978: 25]. Есть и другие точки зрения. Среди них – отрицание дисциплинарной правомерности социологии архитектуры. С констатации этой позиции начинает монографию М.Б. Вильковский [Вильковский, 2010: 17]. Сомнения применительно к российской ситуации заслуживают отдельного разговора (в Европе, Северной Америке положение социологии архитектуры более основательно¹). Но если есть основания говорить о неразвитости соответствующих концепций и исследований в России, то можно ли сомневаться в необходимости их развивать?

Проблема, рассматриваемая в данной статье, заключается в том, что один существенный аспект почти не рассматривается социологией архитектуры – социальное знание архитектора. Это положение трудно считать нормальным по ряду причин. Во-первых, «социологией архитектуры в нашей стране в подавляющем большинстве занимались сами

¹ Интернет-ресурс *Academia.edu* на запрос «sociology of architecture» выдаёт 23 503 статьи, содержащие это словосочетание в заглавии, и 150 759 статей, упоминающих его. См.: URL: <https://www.academia.edu/people/search?utf8=%E2%9C%93&q=Sociology+of+Architecture> (дата обращения: 20.02.2018).

архитекторы» [Вильковский, 2010: 20]. Тело её знания в большей мере сформировано архитектурными по происхождению концепциями, чем социологическими. Во-вторых, знание это заслуживает внимания. Изучая его основные формы – модели социального, – мы воссоздаём природу социальности в архитектурной профессии. Ведь «из модели мы всегда можем реконструировать субъекта моделирования, – это такой индивид, который находится с миром или с другими людьми в том отношении, которое выражено в данной модели» [Вартофский, 1988: 23]. В-третьих, социально-архитектурное знание, ассоциируясь с «ментальными структурами», в понятиях и логике П. Бурдьё есть продукт «социальных структур» [Бурдьё, 1993: 47] и может репрезентировать последние. То есть рассмотрение социально-архитектурного знания позволяет судить о социальных контекстах, в которых оно сформировалось.

Х. Делитц полагает: «В рамках широкого культурно-материального поворота в социологии сейчас происходит как скрытая, так и явная интеграция архитектуры в социологическую мысль» [Delits, 2018: 40]. Социологи сегодня обращаются к архитектуре не просто за «кейсами», – как это делали Г. Зиммель, В. Бенджамин, Н. Элиас, – но и в поисках концепций социального. Потому в социологии архитектуры «вполне уместны попытки анализировать и тенденции в теории архитектуры ... через призмы множества несводимых друг к другу, часто диаметрально противоположных социологических теорий» [Делитц, 2008: 114].

Полагаем, есть основания считать социально-архитектурное знание легитимным объектом исследования для социологии архитектуры.

Методология. Автор задался целью, представив выдвинутую им концепцию парадигм социального знания архитектора [Кияненко, 2005], проверить её работоспособность на примере анализа социальных обоснований архитектурных решений – как социологически фундированной профессиональной архитектурной задачи. Теоретически данный материал опирается на представления о парадигмальном устройстве научного знания в целом (Т. Кун) и социологического знания в частности (Дж. Ритцер), на концепцию социальной антропологии о многослойности человека как объекта исследования (Ф.И. Минюшев). Метод исследования – междисциплинарный (архитектурно-социологический), качественный анализ архитектурных текстов с точки зрения содержания базовых моделей социального, создаваемых и/или используемых архитектором, в том числе моделей человека и общества как клиента и обитателя, организуемой архитектором жизни, социальной роли пространства и архитектуры как сферы социальной практики.

Парадигматика социального знания в архитектуре. Описывая свой опыт социологического осмысления архитектуры, О.Н. Яницкий вспоминает, как однажды он «увидел, что за архитектурными схемами стоят определённые модели образа жизни» [Яницкий, 2009: 35]. Наше исследование подтверждает обоснованность данной констатации. Более того, каждое архитектурное решение, как и каждая теория, опирается, явно или неявно, на некоторые представления архитектора о человеке, обществе и содержании жизни. Над ними надстраиваются все прочие понимания – социальной роли архитектуры, социальных качеств архитектурных решений, критериев их оценки, методов обоснований. Представления эти являются продуктом причудливого сочетания профессиональной теории и практики, фрагментов философских суждений, идеологии, мифологии, повседневного личного опыта архитектора, политического заказа и научных знаний. Таков концептуальный фундамент архитектурной деятельности. И каким бы архаичным и ненадёжным он ни казался, именно на нём покоятся архитектурные решения.

В зависимости от трактовки модели человека в архитектуре XX–начала XXI в. можно выделить несколько устойчивых теоретических систем социально-архитектурного знания-практики, обладающих признаками парадигм (специфическая постановка и решение проблем, структурирование сферы знания, смена доминирующих систем ...). Пять из них – наиболее влиятельны и кратко характеризуются далее (табл. 1).

Парадигмой социально-архитектурного функционализма мы называем теоретическую платформу в архитектуре, которая строится на модели человека как субъекта деятельности. Понятие *функция* и категория *деятельность* в архитектуре трактуются иначе, чем в социологии. Для архитектора *деятельность* не есть специфическая форма отношения человека к окружающему миру и самому себе, а *функция* – не есть отношения или зависимость между социальными объектами, – как излагают фундаментальные социологические источники. Для большинства архитекторов – это синонимы. «Функциональная программа», «функциональное

Таблица 1

Парадигмы и базовые модели социально-архитектурного знания

Парадигмы социально-архитектурного знания	Базовые социальные модели / концепты архитектурной теории и практики			
	человека / общества как клиента архитектора	организуемой архитектором жизни	архитектуры как социального продукта	архитектуры как социальной практики
Функционализм	Субъект деятельности / конгломерат акторов	Деятельность; «функциональные процессы» труда, быта и отдыха	Комплекс ресурсов, «машина для» жизнедеятельности	Отрасль по рациональной организации деятельности
Интеракционизм	Субъект социального взаимодействия, индивид / коллектив	Социальные контакты, общение, кооперация; объединение – разделение	Арена социального взаимодействия	Организация структуры «социальных пространств» через «физические»
Консюмеризм	Потребитель, клиент рынка / целевая группа общества потребления	Удовлетворение потребностей; присвоение, обладание, использование ресурсов	Объект, средство и контекст потребления; товар; недвижимая собственность	Бизнес «архитектурных услуг»; посредничество между сферами производства и потребления
Средовая	Субъект поведения и формирования среды / социально-территориальная общность	Поведение, реакция на среду; соучаствующее средообразование	Среда обитания, «место поведения», арена проявления форм территориальности	Сфера соучаствующего формирования среды силами профессионалов и местных комьюнити
Архитектурная феноменология	Обитатель, «смертный», носитель чувственного опыта / общество разделяемых смыслов	«Пребывание в мире, ориентация, идентификация»; «повседневная жизнь»	Воплощение образов, чувств; скрытых «внутренних сущностей» обитания, «инвариантов»	«Делание мест», социальное собирание, центрирование; наделение пространств смыслами

назначение» здания – это перечень видов деятельности, осуществляемых в нём. «Функциональная зона» – территория, отведённая для деятельности определённого вида. Наблюдаемые и измеряемые «жизненные процессы», как эрзац деятельности и синоним функций, воспринимаются функционалистами главным и единственным содержанием жизни.

В архитектуре и градопланировании до сих пор имеет хождение установка «Афинской хартии» 1933 г.² на воспроизведение городской жизни как совокупности «жилища», «отдыха», «работы» и «движения». Или другая максима Ле Корбюзье, описывавшего жилище так: «Функции: спать, мыться, питаться и развлекаться» [Ле Корбюзье, 1977: 61]. Подобные представления о жизни и «человеке функциональном» лежали в основе архитектуры западноевропейского архитектурного функционализма и рационализма 1920-х гг., теории и практики типового проектирования, индустриального жилищного строительства и послевоенного градостроительства не только в нашей стране. Сегодня они по-прежнему востребованы в сферах социального жилища, «безбарьерного» проектирования для инвалидов, «всеобщего» и «универсального» проектирования, создания минимальных пространств.

Социологическая критика социально-архитектурного и градостроительного функционализма за рубежом звучала в 1960–1980-е гг.³ В девяностые, когда это стало возможно

² Манифест архитектурного модернизма, излагающий и его видение социального.

³ Труды Роберта Гутмана, Джейн Джекобс, Джона Тёрнера, Колина Уорда и др.

и в нашей стране, критика модернизма и его теоретико-методологического ядра в архитектуре – функционализма казалась уже менее актуальной. Но даже сегодня имеет смысл подчеркнуть, что редукционизм и элементаризм упрощают представления архитектора о деятельности и жизни, позитивистская вера в наблюдаемые проявления и целенаправленность человеческой активности оставляют вне поля зрения целые пласты спонтанного человеческого существования, а социально-архитектурный функционализм не способен описывать и моделировать человеческое взаимодействие и сообщества. Для него – это соседствующие в пространстве автономные операторы, связанные лишь технологической последовательностью действий – как сборщики на промышленном конвейере.

Парадигма социально-архитектурного интеракционизма складывается вокруг модели человека как субъекта социального взаимодействия, а коллизия «индивид – коллектив» занимает её приверженцев более всего. Многие известные архитектурные и градостроительные концепции являются продуктом интеракционистского видения, где в фокусе – не содержание деятельности, а режим её осуществления по шкале «вместе – отдельно». Среди них – идеи и воплощения *соседских единиц* и *домов-коммун* 1920-х гг., *Жилых единиц* Ле Корбюзье⁴ 1940-х – 1950-х гг. и *Дома Нового быта* (ДНБ) 1960-х гг., *кохаузингов* 1980-х гг., *эко-коммун* современности. Интеракционистская установка лежит в основе почти всей архитектуры социального экспериментирования. В разработке концепции знаменитого НЭР принимал участие философ Г.Г. Дюментон⁵; осмысление и архитектурная интерпретация этим проектом социологических понятий: *социальные контакты*, *формальное* и *неформальное общение*, моделирование жизни как паутины социальных связей и отношений, – было одним из плодов междисциплинарного сотрудничества⁶.

Адептов интеракционистского мировидения критикуют за архитектурный детерминизм, – веру в возможность формирования с помощью материально-пространственных структур новых общественных отношений и процессов. За то, что в социальном взаимодействии они преувеличивают кооперацию и сотрудничество, недооценивая конфликты и соперничество.

Модели человека как потребителя и рыночного клиента, жизни – как удовлетворения потребностей, а архитектуры – как объекта, средства и контекста потребления формируют ядро консьюмеристской парадигмы. Для архитектора, действующего в её рамках, неважно что человек делает и с кем взаимодействует, значение имеет то, чего он хочет и готов ли заплатить за реализацию своего желания. Данная парадигма является теоретико-методологическим фреймом рыночного проектирования и порождает целый куст стратегий и концепций, среди них – *рыночное адресование*, *рыночная типология* и *рыночная сегментация* недвижимости, *брэндинг* и *ре-брэндинг* объектов и территорий, *архитектурный маркетинг*.

Следствием реализации консьюмеристской установки является усиление индивидуалистских трендов в формировании города, стратификация архитектурных и градостроительных решений по социально-имущественному признаку, отношение к архитектуре как к предмету символического, статусного потребления. С социологических позиций в консьюмеристской парадигме можно увидеть немало изъянов: подмену социологической трактовки потребности вульгарным *платёжеспособным спросом*; потерю интереса к проблематике общественного, коллективного в пользу индивидуального; некритическое принятие ценностей и установок либерализма при формировании города и жилища. Архитекторы часто не подготовлены к работе с потребностями клиента, не учитывают того обстоятельства, что акцентируемое ими «удовлетворение» – лишь одна из возможных стратегий обращения с потребностями, а в разных общественных контекстах бывают востребованы и другие (от «корректировки» и «формирования» до «самореализации»). И над каждой стратегией надстраивается своя архитектура.

⁴Знамениты контррельефы автора на фасадах зданий – где одинокая фигура человека (модуль), символизирующая индивида, оппонирует группе из четырёх таких фигур, олицетворяющей коллектив.

⁵Новый элемент расселения: на пути к новому городу / А. Бабуров, А. Гутнов, Г. Дюментон и др. М.: Стройиздат, 1966.

⁶Градостроительство с 1960-х гг. демонстрировало больший интерес и большую продвинутость по части социологического аргументирования, чем архитектура.

В *средовой парадигме* архитектурного знания человек понимается не только как активный и целенаправленный деятель, но и как субъект реагирования на действия, присутствие и следы пребывания других людей, то есть как субъект поведения, как член социально-территориальных общностей разного уровня, регулирующий степень вовлечённости в отношения с социально-культурным окружением средствами территориального отделения, контроля, идентификации. Главная сфера влияния и применения *средовой парадигмы* – социально-профессиональная ниша демократической архитектуры *соучастия*, или *архитектуры коммюнити*. Жизнь как территориальное поведение обитателей малопродуктивно организовывать извне, как это происходит в патерналистских моделях проектирования, поэтому речь идёт здесь о сотрудничестве архитектора и местного сообщества в процессах совместного создания среды. В рамках *средовой парадигмы* выдвинута собственная концепция потребности клиента – как *квазипредмета кооперированной деятельности архитектора и потребителя* [Зинченко, 1981: 61]. Потребность не предуготовлена заранее и не поддаётся выявлению с помощью традиционных социологических методов и техник. Подчёркивается, что она формируется и осознаётся клиентом в ходе диалога с архитектором.

Среди социологических претензий к *средовой парадигме* – гипертрофия роли местных сообществ, коммюнити и вообще *пространств мест* (по М. Кастельсу) в обществе, где всё более доминируют *пространства потоков*. А также – узкий адрес и проблематичность реализации соучаствующих моделей формирования среды на фоне экспансии рыночных подходов.

Близка *средовой*, но не равна ей *феноменологическая парадигма* социально-архитектурного знания. *Человек феноменологический* – это обитатель *жизненного мира*, смертный, носитель жизненного опыта, связь которого с *местом* и *временем* исследуется не столько с помощью объективных научных методов, сколько в опоре на субъективное *вчувствование* и *сопереживание*. В архитектуре, как и за её пределами, феноменологий столько, сколько феноменологов, но то её направление, которое восприимчиво к социальному содержанию, говорит о способности архитектуры ориентировать человека в глубоко осознаваемых социально-пространственных отношениях, вызывать значимые образы, воплощать и формировать в сознании «Дух Места» и «Дух Времени», создавать собирающие центры, символизировать общепонятные смыслы, организовывать события. К. Фрэмpton так выразил социально-феноменологическое значение места: «Место, будучи аристотелианским феноменом, возникает на символическом уровне как сознательная сигнификация социального смысла... Восприимчивость к месту и чувственный отклик, вызываемый им..., зависят, во-первых, от его стабильности в повседневном смысле, а во-вторых, от адекватности и богатства предлагаемого им социокультурного опыта» [Frampton, 1974: 444]. Социальный потенциал феноменологической парадигмы наиболее полно раскрывается в архитектуре человеческого жилища, культовых, сакральных, мемориальных, церемониальных сооружений, то есть в пространствах повседневного опыта, а также объектов, где обостряется переживание человеком экзистенциальных состояний и событий.

Архитектурную феноменологию с точки зрения социального содержания критикуют за то, что её модели человека и общества архаичны, если рассматривать их с позиций глобализируемого и стремительно развивающегося мира, за сложность, излишний психологизм и недостаточную инструментальность исследовательских подходов, за неубедительность её методов для принимающих решения «инстанций».

Описанные пять парадигм социально-архитектурного знания не охватывают всего разнообразия теоретико-методологических позиций рассмотрения человека и общества в архитектуре, но помогают понять особенности устройства значительной их части. Попробуем применить парадигмальную установку к анализу концепции *социальное обоснование архитектурных решений*.

Социальные обоснования в архитектуре. Установка на то, что архитектура должна быть *обоснованной* с социальных позиций, весьма укоренена в профессии, хотя постмодернизм этой установки не придерживается, а некоторые архитекторы легко допускают манипулирование обоснованиями. В эпоху модернизма задача исследовать «социально-функциональные основы архитектурного проектирования» называлась в числе трёх ключевых в социологии архитектуры [Глазьев, 1974: 5]. Накануне рыночных реформ считалось: «Социология архитектуры целенаправленно обобщает данные соответствующих разделов социологии, формируя комплексные обоснования проекта или социального

прогноз как базу его разработки» [Яргина, 1990: 10]. В известном пореформенном источнике подчёркивается роль субъективных представлений архитектора о жизни в обосновании архитектурных решений: «Любая архитектурная задача исходит от некой идеальной модели жизнеустройства и имеет в ней своё оправдание» [Иконников, 2004: 3]. Что касается склонности части профессии манипулировать обоснованиями, использовать их как легитимизацию формальных по происхождению решений, это убедительно иллюстрирует примером О.Н. Яницкий. «Сколько раз я слышал от директора, – пишет он, вспоминая свою архитектурную юность, – я, вот, спроектировал, а теперь ты мне это обоснуй социологически» [Яницкий, 2009: 40].

Способны ли парадигмы социально-архитектурного знания быть полезным инструментом анализа социальных обоснований, например, различать и объяснять стратегии обоснования? Прежде чем ответить на этот вопрос, – некоторые теоретические уточнения. Под *социальным обоснованием* мы понимаем соотнесение планируемых архитектурных решений с ожидаемыми социальными результатами. Разные социологические теории и разные социальные субъекты по-разному трактуют ожидаемые социальные результаты, социальные *основания будущих обоснований*, содержание социальных проблем (решением которых может аргументировать свою необходимость и полезность архитектура) обратятся к разным исследовательским методам и техникам. В итоге, аналитическая матрица для рассмотрения обоснований сквозь призму парадигм знания может выглядеть так, как это представлено в табл. 2.

Социально-архитектурный функционализм находит опору своей методологии в установках тейлоризма и фордизма, приравнивая жизнь к производственному конвейеру и оправдывая логичные, рациональные решения, снижающие *непроизводительные затраты времени*, экономящие материально-пространственные и временные ресурсы. Известно, например, что один из лидеров советских конструктивистов – М.Я. Гинзбург – был сторонником идей Ф.У. Тейлора, «переводчиком» их менеджериально-промышленного содержания на язык социально-бытовой организации, типизации и стандартизации архитектуры жилища. Упрощение модели жизни, сведение её к наблюдаемым, элементарным *операциям* окупается, по мысли сторонников функционализма, ясностью и простотой *функционального метода проектирования*, опирающегося на антропометрию и эргономику и поныне востребованной профессией. В его основе лежит разработка *функциональной программы проектирования* – совокупности тех же *операций*, скрепляемых между собой технологическими связями по критерию экономии времени. Для оценки эффективности решений используются методы статистики, хронометража, исследования бюджетов времени и затрат на перемещения.

Основания социально-архитектурного *интеракционизма* находятся в тех традициях общественной мысли, которые признают приоритет за коллективным, общественным в противовес индивидуальному. В коммуитаризме Аристотеля, утопической и кооперативной версиях социализма, общинном коммунизме и в социологических установках, которые признают возможным стимулировать желаемые формы жизни внешними условиями, в том числе в социальной инженерии. Будучи нацелена на поощрение взаимодействия, кооперации, интеракционистская парадигма выдвигает собственные критерии достижения этой цели. Один из них – концепция *целостного социально-пространственного образования* (ЦСПО) – такого единства людей и пространств, в котором «внутренние» социальные связи доминируют по отношению к «внешним» [Яргина, 1990: 58]. Взаимодействию, объединению в интеракционизме оппонирует социальная атомизация, пространственное обособление. В коммуналистских версиях советского постреволюционного архитектурного авангарда 1920-х гг. он противостоял *мещанскому индивидуализму* семейного быта, а в архитектурно-градостроительных программах *социально-имущественного смешивания* нашего времени создаёт альтернативы социальному исключению, сегрегации.

Интеракционизм как стратегия обоснований ставит архитектора перед выбором – чью систему ценностей разделять, чьи интересы и потребности удовлетворять, с чьих позиций архитектурное решение аргументировать. «Архитекторы и специалисты по городскому планированию, – пишет З. Бауман, – способны многое сделать, чтобы увеличить миксофилию и минимизировать случаи миксофобских ответов на вызовы городской жизни. И они могут сделать и делают многое для достижения противоположного эффекта» [Бауман, 2008: 49–50]. Для планирования и оценки полученных социальных результатов

Таблица 2

**Парадигмы социально-архитектурного знания
и социальное обоснование архитектурных решений**

Парадигмы социально-архитектурного знания	Элементы социальных обоснований			
	философские, социологические ... параллели и основания	социальные цели и результаты архитектуры	трактовка решаемых социальных проблем	аппарат, методы исследований и обоснований
Функционализм	Тейлоризм, фордизм, позитивизм, элементаризм	Обеспечение осуществимости и эффективности деятельности; оптимизация затрат ресурсов	Нерациональность, затратность ненаучной организации жизнедеятельности	Антропометрия, эргономика, статистика, бюджеты времени, хронометраж
Интеракционизм	Коммунитаризм, утопический и кооперативный социализм, коммунизм, социальная инженерия	Стимулирование общественной жизни, кооперации, целостных социально-пространственных образований	Индивидуализм, социальная эксклюзия, сегрегация	Методы количественных исследований; социальное проектирование и экспериментальное моделирование
Консюмеризм	Экономический либерализм, прагматизм, экономико-социологические теории, социология потребления	Удовлетворение потребностей; соответствие архитектуры спросу; прибыльность рыночной деятельности	Разрыв между предложением и спросом, нарушение стандартов и норм потребления	Методы количественных исследований; маркетинговый анализ, рыночное адресование
Средовая	Экологическая социология, средовая психология, теории «прямой демократии», «партисипации»	Привлечение местного сообщества к созданию архитектуры и безопасной, комфортной городской среды	Отчуждение обитателя от создания среды; бюрократизация, монополизация, маркетизация города	Методы количественных и качественных поведенческо-средовых исследований
Архитектурная феноменология	Феноменология, понимающая социология и психология, этно-методология, символический интеракционизм	Экзистенциальная полнота, целостность, местная укоренённость и осмысленность жизни человека	Экспансия абстрактно-логических, концептуальных подходов, дегуманизирующих среду и общество	Методы интерпретативные, качественной социологии, герменевтики

в распоряжении адепта интеракционизма имеются традиционные методы количественной социологии, а также социально-экспериментальное моделирование и проектирование.

Оправдание социально-архитектурного консюмеризма вообще, любого конкретного архитектурного решения в частности, лежит, очевидно, в плоскости удовлетворения потребностей. Для архитектора, чьё мышление сформировано в русле этой парадигмы, естественно полагать, что основой развития, например, жилища является «современная тенденция расширения, усложнения и дифференциации жилищных потребностей общества» [Карташова, 2013: 59]⁷. Истоки консюмеризма лежат в системах мышления,

⁷ Будучи профессиональным архитектором и учёным, К.К. Карташова и её школа внесли существенный вклад в развитие социально-архитектурного знания вообще, жилища в частности и консюмеристской парадигмы в особенности.

которые отстаивают право индивида на собственное благополучие и свободную, прибыльную рыночную деятельность (экономический либерализм, прагматизм ...). Отсюда – двойственность оценки архитектуры: с одной стороны – потребительской полезностью, с другой – способностью приносить выгоду её создателю. Теоретически эти два качества должны совпадать, но в условиях реального рынка не совпадают. Поэтому и здесь архитектор оказывается перед необходимостью этического выбора: стать на сторону *спроса* или *предложения*, конкретных критериев оценки и обоснования архитектурных решений.

Для выявления потребностей, предпочтений, платёжеспособного спроса и рыночного предложения в рамках консьюмеристской парадигмы используются стандартные методы прикладных социологических исследований в версии маркетингового анализа. Особая задача заключается в целевом адресовании *архитектуры как товара* конкретному сегменту рынка. Это и становится главным пунктом социально-архитектурных обоснований.

Носители средового архитектурного и градостроительного мировидения в конце второго десятилетия XXI в. получают поддержку в экологических, инвайронментальных разделах социологии, психологии, географии, урбанистики, в теориях *прямой демократии, партисипации*. Оцениваемым результатом архитектурной работы считается здесь не только обитаемое пространство – среда, но и процедура её создания в сотрудничестве с жителем. Поэтому в определении критериев оценки внимание уделяется и средовым качествам (безопасность, комфортность, освоенность...), и методам проектирования с участием местных сообществ. Последние представляют собой самостоятельную ценность на фоне бюрократизации, монополизации, маркетингизации формирования города, где жители изолированы от принятия решений, а городская среда деградирует [Sanoff, 2000: ix].

В распоряжении поборников средовой парадигмы имеется широкий спектр поведенческо-средовых методов, а также методов соучаствующего исследования-проектирования, в которых социальное обоснование не предшествует проектированию, а сопутствует ему, встроено в него. Среди них – методы *интенсивных проектных сессий* (*charrette*), *соучаствующего исследования в действии* (*participatory action research*), *оценки после заселения* (*post occupancy evaluation*), *наблюдения средового поведения и физических следов поведения* (*observing environmental behavior, observing physical traces*) [Sanoff, 2000; Zeisel, 2006].

Архитектурная феноменология черпает вдохновение, идеи и основания в философской феноменологии, которая, в свою очередь, демонстрирует интерес к архитектуре с 1940-х гг. (М. Хайдеггер, Г. Башляр, М. Мерло-Понти). Главным образом через феноменологов и феноменологически продвинутых архитекторов в архитектуру проникают знания о понимающей социологии, этнометодологии, символическом интеракционизме и соответствующих качественных исследовательских методах. Цель, смысл и оцениваемый результат архитектурной работы видится феноменологам в том, чтобы создавать «определённые конфигурации зданий, которые позволяют жизненному миру эффективно развёртываться и поддерживать благополучие места и человеческого существа» [Seamon, 2018], обеспечивая экзистенциальную полноту, целостность, укоренённость в конкретном месте и осмысленность жизни. Обоснование феноменологического подхода к архитектуре может осуществляться логикой «от противного», его способностью противостоять выхолащиванию человеческого содержания жизни в других парадигмах и традициях мышления (текстологической, композиционно-художественной).

Заключение. Социально-архитектурное знание обоснованно претендует быть объектом социологии архитектуры. Его наличное содержание продуктивно рассматривать как сосуществование нескольких устойчивых систем понимания, видения социального контента архитектуры – парадигм. Каждая из них вызвана к жизни определённым этапом развития общества, культуры и архитектуры, адресована собственным сферам профессиональной практики, способна ставить и решать разные социально-архитектурные проблемы. Ядром каждой парадигмы выступает специфическое видение человека как обитателя и клиента архитектора, содержания организуемой архитектором жизни и того, что «склеивает» людей между собой в разные общественные конфигурации. Можно установить связь, родство отдельных парадигм социально-архитектурного знания с социологическими, философскими, психологическими системами мышления. Было бы преувеличением утверждать, что архитекторы повсеместно и глубоко проникают к истокам парадигм и соответствующие анклавы знания формируются ими целенаправленно. Правильнее говорить, что

архитектура испытывает те же влияния, что и сферы социально-гуманитарного знания, и это объясняет возможность проведения между ними некоторых параллелей.

Концепция «парадигм социально-архитектурного знания» в представленном виде позволяет содержательно рассматривать проблематику социальных обоснований в архитектуре. Сам факт, что разнообразие подходов к обоснованиям архитектурных решений хорошо согласуется с разделами знания, позволяет полагать, что разделы эти выделены корректно и могут быть использованы для решения других исследовательских задач в области социологии архитектуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 24–53.
- Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos. 1993.
- Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / Пер. с англ., общ. ред. и послесл. И.Б. Новака, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1988.
- Вильковский М.Б. Социология архитектуры. М.: Русский авангард, 2010.
- Глазычев В.Л. Проблемы теории советской архитектуры // Социально-функциональные проблемы советской архитектуры. Сб. научн. тр. М.: ЦНИИТИА, 1974.
- Глазычев В.Л. Социология архитектуры – какая и для чего // Зодчество. 1978. № 2 (21). С. 25–29.
- Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113–121.
- Зинченко А.П. Потребность как основание процесса проектирования предметно-пространственной среды // Человек и среда: психологические проблемы. Тез. конф. в Лохусалу, янв. 1981 г. Таллин: ЭООП СССР, 1981. С. 60–63.
- Карташова К.К. Эволюция жилища в современных условиях // Промышленное и гражданское строительство. 2013. № 12. С. 56–59.
- Кияненко К.В. Социология и социальная теория архитектуры: проблемы междисциплинарности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Мат. IV Очередного Всеросс. социол. конгресса. РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. С. 7412–7421. 1 CD ROM.
- Кияненко К.В. Проблематика социальных обоснований в архитектурных исследованиях в США // Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований. Мат. IX Дридзеvских чтений. М.: ИС РАН, 2010. С. 133–142.
- Кияненко К.В. Архитектура и социальное моделирование жилища: дисс. ... докт. архитектуры. Вологда, 2005.
- Ле Корбюзье, Ш. Три формы расселения. Афинская Хартия / Пер. с фр.; под ред. К.Т. Топуридзе. М.: Прогресс, 1977.
- Мулеев Е.Ю. Архитектура и социология в СССР: опыт взаимодействия // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 111–120.
- Назарова М.П. Социология архитектуры и её роль в формировании архитектурного пространства современного города // Социология города. 2011. № 3. С. 10–14.
- Поморов С.Б., Удоденко А.А. Проблема взаимодействия архитектуры и социологии как средства моделирования градостроительных систем и элементов // Ползуновский вестник. 2013. № 4/1. С. 219–221.
- Прядко И.П. Социология городского пространства и архитектуры: Конспект лекций для студентов бакалавриата очной формы обучения направлений подготовки – Архитектура; Градостроительство. М.: МГСУ, 2015.
- Раппапорт А.Г. Социология архитектуры // Башня и лабиринт. URL: http://papardes.blogspot.ru/#1/2017/10/blog-post_19.html (дата обращения: 03. 03. 2018).
- Яницкий О.Н. Досье инвайронменталиста. Очерки интеллектуальной биографии. М., 2009.
- Яргина З.Н., Хачатрянц К.К. Социальные основы архитектурного проектирования: Учеб. для вузов. М.: Стройиздат, 1990.
- Delits H. Architectural Modes of Collective Existence: Architectural Sociology as an Comparative Social Theory // Cultural Sociology. 2018. Vol. 12 (1): 37–57.
- Frampton K. On Reading Heidegger // Theorizing a New Agenda For Architecture: An Anthology of Architectural Theory 1965–1995 / Ed. by K. Nesbitt. New York: Princeton Architectural Press, 1996.
- Sanoff H. Community Participation Methods in Design and Planning. New York: John Wiley and Sons. 2000.
- Seamon D. Architecture and Phenomenology // The Routledge Companion to Contemporary Architectural History / Ed. by Duanfang Lu, 2018. (In Press).
- Zeisel J. Inquiry by Design: environment/behavior/neuroscience in architecture, interiors, landscape, and planning. New York; London: W.W. Norton & Company, 2006.

PARADIGMS OF SOCIAL KNOWLEDGE AND VALIDATION IN ARCHITECTURE

KIYANENKO K.V.

Vologda State University, Russia

Konstantin V. Kiyanencko, Dr. Sci. (Arch.), Prof., Department of Architecture and Urban Design, Vologda State University, Vologda, Russia (kiyanenko_k@yahoo.com).

Acknowledgements. The research was supported by RAACS, grant No 2.1.2 [3], 2017

Abstract. On the basis of conceptual and terminological analysis of texts in architecture and architectural sociology the current trend of considering social knowledge of architects as an object of sociology of architecture is argued to be reasonable. The author's concept of 'paradigms of social and architectural knowledge' as independent platforms that represent and explain structure of the architect's understanding of the social and as a set of social models is offered. Among them are functionalist, interactionist, consumerist, environmentalist, and phenomenological paradigms. The differences in treating basic notions of "function", "activity", "interaction", "need" in architecture and sociology are stressed. The basic social models, which enter into each of the paradigms, are characterized, incl.: models of man as a dweller and an architect's client, models of life and its social content, models of architecture as a social product, and as a social practice. Criticism which sociology focuses on the contents of paradigms is given. The concept is used to systematize and describe the approaches to social validation/justification of architectural solutions. The conclusion is made about the prospects of using the concept to solve other research problems in sociology of architecture.

Keywords: architectural sociology, paradigms of social knowledge in architecture, social validation in architecture.

REFERENCES

- Bauman Z. (2008) City of fears, city of hopes. *Logos*. No. 3: 24–53. (In Russ.)
- Bourdieu P. (1993) *Sociology of politics*. Transl. from Fr. N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)
- Delits H. (2018) Architectural Modes of Collective Existence: Architectural Sociology as a Comparative Social Theory. *Cultural Sociology*. Vol. 12(1): 37–57.
- Delitz H. (2008) Architecture in social dimension. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 10: 113–121. (In Russ.)
- Frampton K. (1996) On Reading Heidegger. In: *Theorizing a New Agenda For Architecture: An Anthology of Architectural Theory 1965–1995*. Ed. by K. Nesbitt. New York: Princeton Architectural Press: 442–446.
- Glazychev V.L. (1974) Problems of theory of Soviet Architecture. In: *Socio-Functional Problems of Soviet Architecture*. Collect. of scientif. works. Moscow: TSNIITIA. (In Russ.)
- Glazychev V.L. (1978) Sociology of architecture – what and what for. *Zodchestvo* [Architecture]. No. 2(21): 25–29. (In Russ.)
- Kartashova K.K. (2013) Housing evolution under modern conditions. *Promishlennoe i grazhdanskoe stroitelstvo* [Industrial and Civil Engineering]. No. 12: 56–59. (In Russ.)
- Kiyanencko K.V. (2005) *Architecture and social modelling of housing*: Doctoral Dissertation. Vologda. (In Russ.)
- Kiyanencko K.V. (2010) Issues of Social Reasoning in Architectural Research in the USA. In: *Social Validation for the Strategies of Urban, Regional and Corporate Development: Research Problems And Methods. Proceedings of IX Drizde readings*. Moscow: IS RAS: 133–142. (In Russ.)
- Kiyanencko K.V. (2012) Sociology and social theory of architecture: the interdisciplinary issues. In: *Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development: Materials of IV recurrent All-Russian sociological congress*. Moscow: RSS: 7412–7421. 1CD ROM. (In Russ.)
- Le Corbusier Ch. (1977) *Three Forms of Settling. Athens Charter*. Transl. from Fr. K.T. Topuridze (ed.). Moscow: Progress. (In Russ.)
- Muleev E. Yu. (2014) Architecture and sociology in the USSR: practice of interaction. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 111–120. (In Russ.)
- Nazarova M.P. (2011) Sociology of architecture and its role in the developing of architectural space of the modern city. *Sotsiologiya goroda* [Urban Sociology]. No. 3: 10–14. (In Russ.)
- Pomarov S.B., Udodenko A.A. (2013) The problem of interaction between architecture and sociology as a means of modeling urban systems and elements. *Polzunovskiy vestnik* [Polzunov's Herald]. No. 4–1: 219–221. (In Russ.)
- Priadko I.P. (2015) *Sociology of urban space and architecture: Lecture notes for undergraduate full-time students in Architecture and Urban Planning programs*. Moscow: MSCU. (In Russ.)
- Rappaport A.G. (2018) Sociology of architecture. In: *The Tower and the Labyrinth*. URL: http://papardes.blogspot.ru/#1/2017/10/blog-post_19.html (accessed 03.03.18). (In Russ.)
- Sanoff H. (2000) *Community Participation Methods in Design and Planning*. New York: John Wiley and Sons, Inc.
- Seamon D. (2018) Architecture and Phenomenology. In: *The Routledge Companion to Contemporary Architectural History*. Ed. by Duanfang Lu. [In Press].
- Vartofskiy M. (1988) *Models. Representation and scientific understanding*. Transl. from Engl. I.B. Novak, V.N. Sadovskiy (eds). Moscow: Progress. (In Russ.)
- Vilkovskiy M.B. (2010) *Sociology of Architecture*. Moscow: Russkiy Avangard. (In Russ.)
- Yanitskiy O.N. (2009) *Dossier of the environmentalist. Essays on the intellectual biography*. Moscow. (In Russ.)
- Yargina Z.N., Khachatryan K.K. (1990) *The Social Foundations of Architectural Design*. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
- Zeisel J. (2006) *Inquiry by Design: Environment/ Behavior/ Neuroscience in Architecture, Interiors, Landscape, and Planning*. New York; London: W.W. Norton & Company.
- Zinchenko A.P. (1981) Need as a basis for the process of design of subject and spatial environment. In: *Man and Environment: psychological aspects*. Abstracts of a conference. Lohusalu, Jan. 1981. Tallinn: EBSP USSR: 60–63. (In Russ.)